

Раннее Извр. и Фокт. 1912.

КРѢПОСТНЫМЪ АКТЕРКАМЪ.

(«Псиша» у Незлобина.)

Крѣпостнымъ Дидонамъ и Андромахамъ далекаго прошлаго, барскимъ актеркамъ-рабынямъ, оброчнымъ Купидонамъ посвящена талантливымъ авторомъ эта пьеса.

Тѣмъ, кому, по словамъ пролога, не куряты больше ни еиміамомъ, ни ладономъ.

Юр. Бѣляева москвичи знаютъ по „Путаницѣ“ и по „Красному кабачку“, какъ удивительно чуткаго реставратора родной старины.

И вчера можно было убѣдиться въ этомъ.

По его велѣнію проснулись и закружились хороводомъ тѣни той старины, развалины которой стоятъ еще подъ Москвой.

Шереметевскіе и юсуповскіе загородные театры и „Эрмитажи“, концертныя залы съ мраморными Мельпоменами, у которыхъ потрескались носы, и „острова любви“...

Они напоминаютъ о младенчествѣ русскаго театра, гдѣ крѣпостныхъ жриць его награждали не только аплодисментами, но и розгами на барской коюшнѣ...

Юр. Бѣляевъ вчера разбудилъ образы этихъ несчастныхъ.

Юр. Бѣляевъ всегда изященъ.

Онъ—тонкій эстетъ.

Его произведенія такъ напоминаютъ старыя пастэли...

Слегка выцвѣтшія, но навѣваюція настроеніе.

До сихъ поръ Юр. Бѣляевъ давалъ пьески-миніатюры.

Вчера онъ преподнесъ Москвѣ „большую“ пьесу.

Пѣльхъ четыре акта!

И неудивительно, если „археологія“, хотя и крайне изящная, временами утомляла зрителя...

Все вниманіе автора ушло на то, чтобы заставить зрителя все время ахать на дорогія рѣдкости и бездѣлушки старины, разложенныя, разставленныя, раскиданныя тамъ и здѣсь въ пьесѣ.

У меня было вчера такое впечатлѣніе, когда я смотрѣлъ пьесу:

Я попалъ къ чудаку антикварію.

Вокругъ столько интереснаго...

И все это разставлено такъ аккуратно и съ такимъ вкусомъ.